

Горохов С.В.

Новосибирская региональная общественная организация «История сибирских острогов»
ул. Бориса Богаткова, 254, к. 4, оф. 333, Новосибирск, 630089
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com (Горохов С.В.)

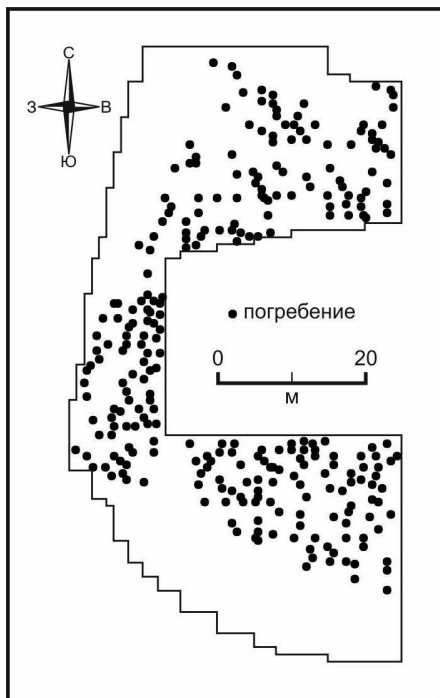
ПОЛОЖЕНИЕ РУК УМЕРШИХ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРИ (на примере кладбища Никольской церкви с. Кривощцеково в г. Новосибирске)

Цель настоящей статьи состоит в анализе планиграфического распределения 152 захоронений с различным положением рук погребенных для выявления закономерностей в их расположении. Выработаны критерии классификации положения рук, выделено 36 типов. Установлено, что некоторые типы положения рук погребенных имеют ограниченную локализацию в рамках некрополя. Выдвинуты гипотезы, объясняющие такую локализацию.

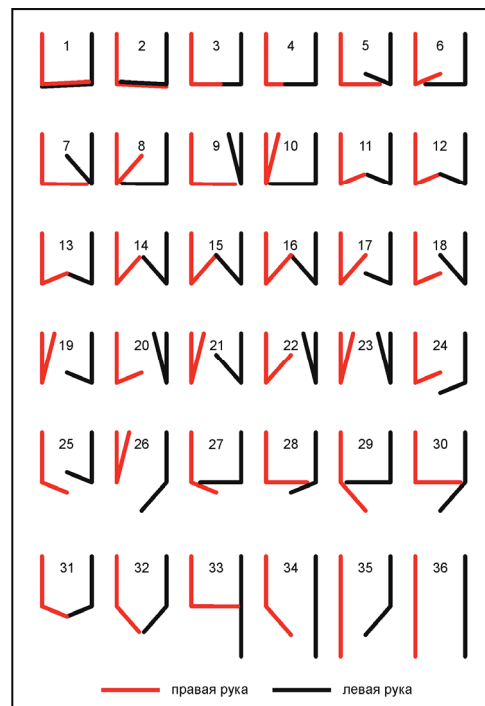
Ключевые слова: Сибирь, Новосибирск, XVIII–XIX вв., некрополь, погребальный обряд, положение рук.

Введение

В сентябре — октябре 2018 г. Отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия «Участок культурного слоя села Кривощцеково», расположенного в зоне строительства мостового перехода через р. Обь в створе ул. Ипподромской в г. Новосибирске. В ходе работ было вскрыто 2398 м². Изучено 384 грунтовых погребения (рис. 1) [Колонцов, 2020].

Рис. 1. План-схема некрополя с. Кривощцеково.
Fig. 1. The plan of the necropolis of the village Krivoshchekovo.

Рис. 2. Типы положения рук погребенных, зафиксированные в погребениях некрополя Никольской церкви с. Кривощцеково.
Fig. 2. Types of arms positions of buried people recorded in the graves of the Nikolskaya Church necropolis of the town of Krivoshchokovo.

Положение рук умерших как важный элемент погребального обряда православного населения...

Село Кривошеково возникло в самом начале XVIII в. Первое его упоминание относится к 1707 г. [Бородаев, Контев, 2015, с. 215]. По данным Г.Ф. Миллера, в 1734 г. в селе уже была церковь [Источники..., 1988, с. 79], при которой, вероятно, существовало кладбище. В 1824 г. построили новое здание. К концу века это здание обветшало и оказалось мало, поэтому в 1879 г. была выстроена новая церковь на каменном фундаменте Во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского. Сразу по окончании строительства церковь сгорела. В 1881 г. на прежнем фундаменте возвели новую церковь [Шапкин, 1882, с. 274–275], а в 1894 г. ее перенесли в д. Бугринскую в связи с сооружением железнодорожного моста через р. Обь [Шабунин, 2009]. В ходе археологических раскопок был исследован фундамент этой церкви.

Погребальные памятники православного населения Сибири и Дальнего Востока стали частым объектом археологического изучения сравнительно недавно — с начала 1990-х гг.¹ (табл. 1). К настоящему моменту раскопано более 6,5 тыс. захоронений только в некрополях, на которых исследовано более 100 погребений. Однако ситуация осложняется тем, что материалы большинства раскопок не опубликованы, а те, что изданы, часто не имеют указаний на некоторые важные элементы погребального обряда, которые могут быть достаточно информативными.

Таблица 1

Сибирские православные прицерковные некрополи с численностью исследованных погребений более 100

Table 1

Siberian Orthodox church necropolises with more than 100 investigated burials

Название	Место расположения	Кол-во погребений	Ссылка
Абалакского монастыря некрополь	с. Абалак Тобольского района Тюменской обл.	221	[Данилов, 2012, с. 158; Данилов, 2016, с. 303, 304]
Нагорное кладбище	г. Барнаул	1159	[Мамонтова, Толкацкая, 2018, с. 77]
Ново-Тихвинского женского монастыря некрополь	г. Екатеринбург	126	[Погорелов, 2005, с. 205, 211; Погорелов, Попов, 2005, с. 212]
Богоявленской церкви некрополь	г. Енисейск	Более 2000	[Галухин, Лысенко, 2019, с. 70]
Троицкой церкви некрополь			
Спасской церкви некрополь	г. Иркутск	469	[Бердников, 2012, с. 52]
Покровской церкви некрополь	г. Красноярск	310	[Тарасов, 2011, с. 263]
Всех Святых церкви некрополь	г. Красноярск	404	[Тарасов, 2007, с. 518]
Воскресенской церкви некрополь	г. Красноярск	183	[Тарасов, 2011, с. 263]
Преображенской церкви некрополь			
Свято-Троицкого собора некрополь	г. Томск	Более 300	[Воробьев-Исаев, 2006b, с. 33]
Николая Чудотворца церкви некрополь	г. Челябинск	115	[Самигулов, 2005, с. 128]
Умревинского острога некрополь	Ташаринский сельсовет Мошковского района Новосибирской обл.	157	—

В процессе раскопок перед исследователями встала задача описания значимых элементов православного погребального обряда в полевой документации и публикациях. Некоторые археологи обратили внимание на положение костей рук.

Как правило исследователи не ограничиваются простым описанием положения костей рук погребенных [Погорелов и др., 2011, с. 133; Данилов, 2018, с. 139], а предлагают в разной степени детализированную типологию. Самым простым вариантом такой типологии является выделение двух вариантов положения костей рук — на груди и на поясе [Барсуков и др., 2013; Боброва и др., 2015, с. 94] или на теле и вдоль тела [Воробьев-Исаев, 2006a, с. 103], а также их синтез [Бердников, 2009, с. 256; 2012, с. 54; Лица первых иркутян..., 2011, с. 21]. Более детализированная классификация положения костей рук представлена Г.Х. Самигуловым: на груди, на животе, в области таза, кости рук скрещены на груди, а кости кистей покоятся на плечах, кости кистей рук располагаются под подбородком или покоятся на одноименном плече [Самигулов, 2002, с. 135]. Наиболее разработанная типология положения костей рук представлена в работах Л.В. Татауровой. Первоначально ею были выделены семь типов по материалам памятника Изюк-I [Татаурова, 2004, с. 44; 2005b, с. 228; Татаурова, Скрипко, 2000, с. 81]. Такой подход к классификации по какой-то причине не на-

¹ Исключение составляют масштабные раскопки некрополя Илимского острога, осуществленные в 1974–1975 гг. под руководством В.И. Молодина (вскрыто 336 погребений) [Молодин, 2007] и коллективного захоронения Албазинского острога в 1980 г. под руководством В.В. Сухих и С.В. Глинского (около 80 погребенных) [Нестеров, 2017, с. 120].

шел отражения в методических рекомендациях по фиксации особенностей погребения при проведении археологических раскопок: «вытянуты вдоль тела; согнуты в локтях; при последнем случае, какая рука на какой лежит» [Татаурова, 2005а, с. 183]. Позже Л.В. Татаурова расширила количество вариантов положения рук до 13 [2010, с. 97, рис. 11; 2016, с. 30]. В настоящее время это наиболее детализированная классификация положения костей рук погребенных.

Некоторые исследователи приводят количественные соотношения разных вариантов положения костей рук [Бердников, 2012, с. 114; Воробьев-Исаев, 2006а, с. 103]. Л.В. Татаурова публикует количественные показатели с учетом пола погребенного и наличия «старообрядческого» креста [2016, с. 30].

Часть археологов усматривает в способе укладки рук погребенных принадлежность к православному вероисповеданию — правая рука поверх левой [Погорелов и др., 2011, с. 133], все варианты положения рук на груди и животе [Ражев, 1998, с. 139, 143]. Л.В. Татаурова по положению костей рук определяет погребения старообрядцев и никониан. В своих выводах она опирается на данные этнографии («для мирян руки должны быть скрещены на груди, правая сверху на левой; для старообрядцев — руки должны быть согнуты в локтях поперек туловища, правая сверху, пальцы “крестиком”») и духовную литературу («руки должны быть уложены на груди крестообразно»). При этом ею выделяются также переходные варианты, когда одна рука лежит на животе, а другая на груди [Татаурова, 2010, с. 57; 2016, с. 30]. И.М. Бердников утверждает, что какой-либо закономерности в положении костей рук проследить не удалось. Другие исследователи прямо не пишут, что закономерности не выявляется, но содержание их публикаций приводит к такому заключению. Этот вывод представляется преждевременным, так как в рассмотренных работах отсутствуют указания на то, что кто-то из исследователей целенаправленно анализировал материал во всех его аспектах для выявления закономерностей в расположении костей рук погребенных.

Цель настоящей статьи состоит в анализе планиграфического распределения захоронений с различным положением костей рук погребенных для выявления закономерностей в их расположении и культурно-исторической интерпретации полученных результатов. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: 1) выработать критерий классификации положения костей рук погребенных; 2) визуализировать планиграфическое распределение погребений с различными типами положений костей рук; 3) выявить закономерности планиграфического распределения погребений с различным положением костей рук; 4) оценить информационный потенциал положения рук погребенных для реконструкции исторической действительности.

Источниковая база представлена 384 захоронениями некрополя Никольской церкви с. Кривошеково. Для 152 погребений установлено положение рук. В большинстве случаев положение рук установить не удалось в силу плохого состояния костяка (многочисленные детские и младенческие захоронения) или смещения костей рук при совершении новых захоронений и хозяйственной деятельности на территории некрополя.

Методика

При раскопках фиксируемое положение костей рук погребенного определяется тремя факторами: 1) целенаправленной укладкой рук умершего людьми, готовившими тело к погребению; 2) размерами тела погребенного и погребальной конструкции (колода); 3) смещением костей рук при истлевании тела и погребальной конструкции; 4) проседанием заполнения могильной ямы. Укладка рук погребенного перед захоронением является объектом настоящего исследования, поэтому важно определить влияние второго, третьего и четвертого факторов. Все погребения в некрополе с. Кривошеково (кроме двух) были совершены в колодах. Они изготавливались таким образом, что после помещения тела в колоду в ней практически не оставалось свободного пространства. Из-за этого плечи были плотно прижаты к телу, а при недостаточной ширине колоды плечи приподнимались над туловищем и дополнительно сжимались по направлению друг к другу. Это влияет на положение рук погребенных. Например, если руки скрещивались на груди, то в относительно просторной колоде кисти обеих рук могли перекрывать друг друга на груди, а в тесной колоде (когда плечи поднимались вверх) предплечья скрещивались на груди, а кисти рук могли помещаться в районе плеч противоположных рук. Оба эти варианта положения рук следует считать одним типом, так как разница определяется не намерением людей, готовивших тело к погребению, а размерами колоды и тела умершего. Другой пример: при подготовке тела к погребению руки были согнуты в локте на 90° и уложены одна на другую. При этом кисти могут покоиться друг на друге или на предплечьях в разных их частях. Такие вариации также не следует считать различными типами положений рук, так как конкретное положение

Положение рук умерших как важный элемент погребального обряда православного населения...

ние рук в данном случае определяется, как и в первом примере, размером колоды и тела умершего. В некрополе с. Кривошеково зафиксировано несколько способов укладки рук погребенных при положении предплечий перпендикулярно плечам: правое предплечье ближе к голове, левое предплечье ближе к голове, правая рука над левой и наоборот. Эти типы положения рук сложно разделить при проведении раскопок. При определении типа положения рук в таких случаях мы руководствовались следующими соображениями: 1) если все кости предплечья и кисти одной руки располагались ближе к голове, чем все соответствующие кости другой руки, то такая рука при укладке перед погребением располагалась ближе к голове; 2) если кости предплечья и/или кисти одной руки располагались по обе стороны костей предплечья другой руки и при этом часть костей перекрывали кости другой руки, то в таком случае делался вывод о том, что эта рука при ее укладке перед погребением располагалась поверх другой руки; 3) погребения, в которых не удалось однозначно зафиксировать положение рук, в выборку не включались. Давление грунта из заполнения могильной ямы не должно приводить к существенному смещению костей рук погребенных, так как давление направлено сверху вниз, поэтому не способно привести к существенному перемещению костей рук в горизонтальной плоскости. Во всех прочих случаях, когда кости рук находились в анатомическом порядке (не имели признаков смещения) положение костей рук погребенных принималось соответствующим положению рук при их укладке при подготовке к захоронению.

Анализ захоронений позволяет составить полный перечень всех возможных положений правой или левой руки: рука вытянута вдоль тела (0°), согнута в локте на $\sim 40^\circ$, $\sim 68^\circ$, $\sim 90^\circ$, $\sim 112^\circ$, $\sim 139^\circ$ или $\sim 166^\circ$. В случае пересечения или наложения рук друг на друга отмечалось взаимное положение рук (сверху или снизу). Сочетание индивидуальных положений рук и их взаиморасположения образуют тип положения рук. Максимально возможное количество сочетаний составляет 54 типа. Фактически зафиксировано 36 (рис. 2). Численность погребений, отнесенных к определенному типу по положению рук, сильно разнится. Наиболее массовые типы (10 и более погребений) 1, 2, 5, 23, 24 (рис. 3). Этот факт сам по себе говорит о том, что положение рук погребенных носит не случайный характер, а является следствием каких-то явлений, выяснить которые предстоит в будущем.

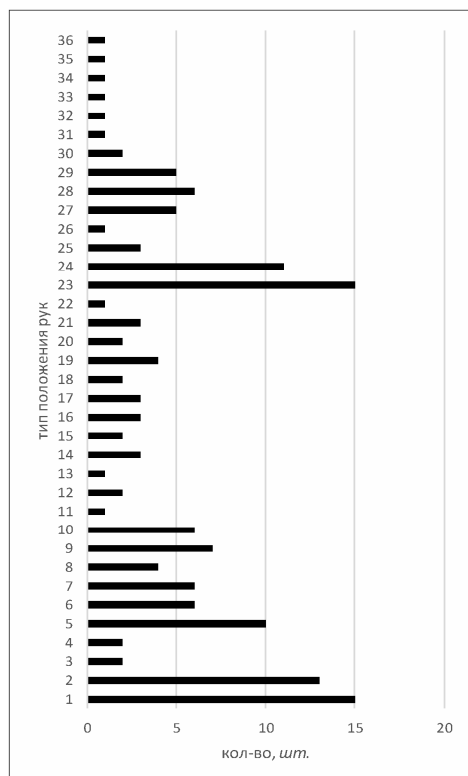

Рис. 3. Гистограмма численности типов положения рук погребенных.

Fig. 3. Histogram of the number of types of arms positions of buried people.

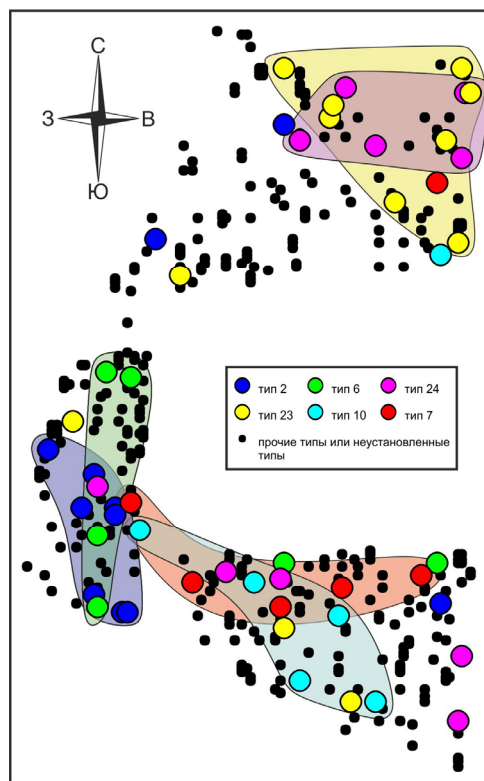

Рис. 4. Схема расположения погребений с типами положения рук 2, 6, 7, 10, 23, 24.

Fig. 4. Scheme of location of graves with arms position types 2, 6, 7, 10, 23, 24.

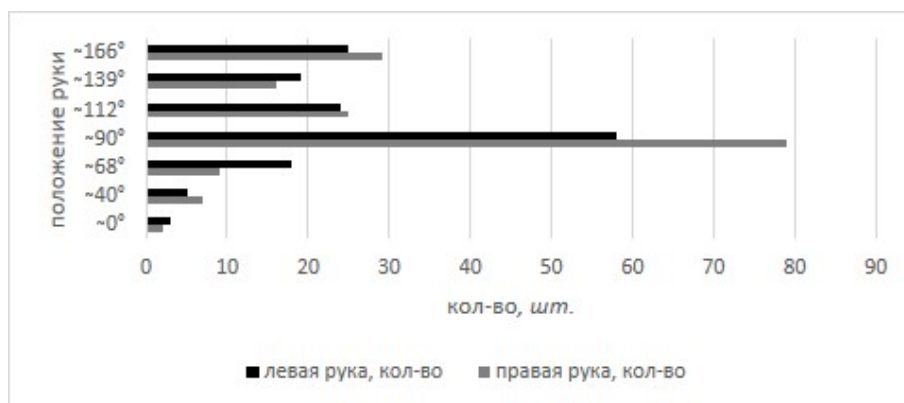
Результаты

В ходе исследования планиграфический анализ был выполнен по нескольким направлениям: 1) выявление отдельных типов, имеющих ограниченную локализацию; 2) выявление отдельных типов, имеющих совпадающую или несовпадающую локализацию; 3) выявление комбинаций типов, имеющих совпадающую локализацию; 4) выявление комбинаций типов, имеющих несовпадающую локализацию. Такого рода анализ возможен только для достаточно многочисленных типов и немногочисленных, но имеющих очень плотную локализацию, что необходимо для того, чтобы исключить возможность случайного компактного расположения исследуемых погребений.

К отдельным достаточно многочисленным типам (5 и более погребений) мы отнесли типы 1, 2, 5–7, 9, 10, 23, 24, 27–29 (рис. 3). Из них ярко выраженную ограниченную локализацию имеют типы 2, 6, 7, 10, 23, 24 (рис. 4).

К отдельным немногочисленным типам (3–4 погребения) мы отнесли типы 8, 14, 16, 17, 21, 25 (рис. 3). Они рассмотрены на предмет обнаружения плотной ограниченной локализации, которая обнаружена не была.

Дополнительно были рассмотрены составные типы, образованные 1) по критерию отражения положения рук погребенных по вертикальной оси (например, составной тип из типов 5 и 6) и 2) по критерию единообразия положения одной из рук. Содержательным основанием для выделения типов по первому критерию служит тот факт, что численность случаев того или иного положения правых и левых рук погребенных примерно одинакова (рис. 5). Это позволяет предположить смысловую идентичность в рамках погребального обряда одинаковых положений обеих верхних конечностей. По первому критерию образованы составные типы 1;2, 3;4, 5;6, 7;8, 11;12;13, 14;15;16, 17;18, 19;20, 24;25, 27;28, 29;30, 34;35 (рис. 2), которые были рассмотрены на предмет ограниченной локализации или несовпадения локализаций. В последнем случае рассматривались только такие составные типы, которые образованы достаточно многочисленными типами. Составные типы 7;8 и 9;10 имеют общую ограниченную локализацию (рис. 6). Так как эти типы весьма похожи и по положению рук (рис. 2), то можно предположить, что все эти типы в отдельности не рассматривались носителями соответствующих представлений о погребальном обряде как различные способы расположения рук умерших при погребении.

Рис. 5. Гистограмма численности вариантов положения правой и левой рук погребенных.
Fig. 5. Histogram of the number of options of the right and left arms positions of buried people.

По второму критерию образованы составные типы, имеющие общим элементом определенное положение одной из рук. Мы не станем здесь перечислять наименования этих составных типов, так как они достаточно громоздки. Укажем лишь те, которые имеют ограниченную локализацию: 25;27;31, 10;19;21;26 (рис. 6, 7).

В ходе исследования был установлен факт несовпадающей локализации типа 23 (обе руки согнуты на $\sim 166^\circ$) и составных типов 10;19;21;26, 9;20 (одна из рук согнута на $\sim 166^\circ$) и примыкающего к ним составного типа 7;8 (рис. 7).

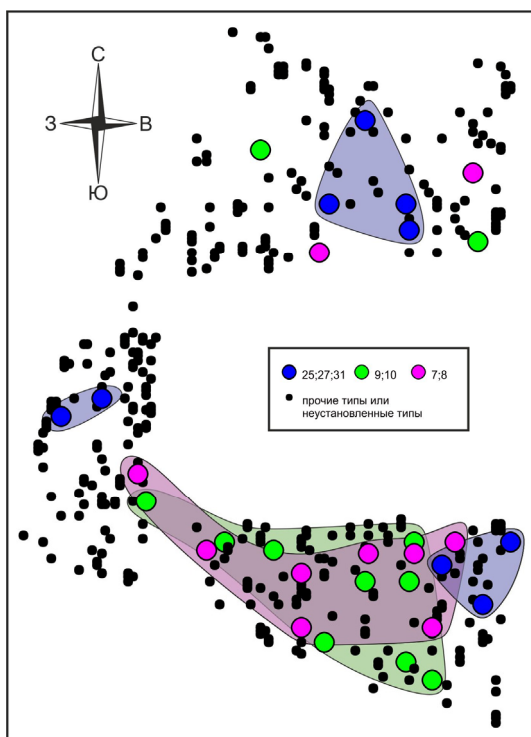

Рис. 6. Схема расположения погребений с составными типами положения рук 7;8, 9;10, 25;27;31.

Fig. 6. Scheme of location of graves with complex arm position types 7;8, 9;10, 25;27;31.

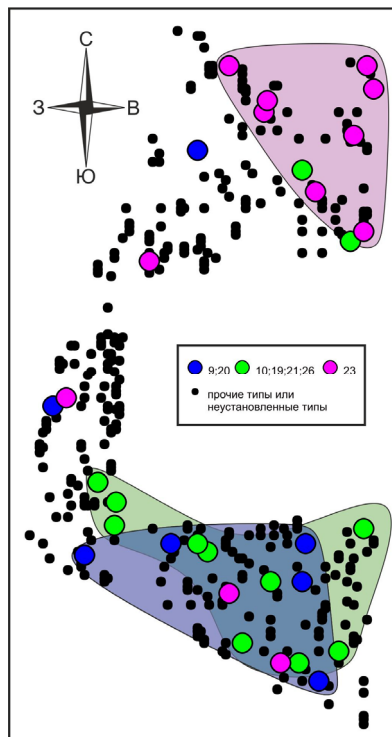

Рис. 7. Схема расположения погребений с составными типами положения рук 9;20, 10;19;21;26 и типа 23.

Fig. 7. Scheme of location of graves with complex arm position types 9;20, 10;19;21;26 and type 23.

Обсуждение результатов

Было выявлено, что погребения с несколькими простыми и составными типами положения рук имеют достаточно компактную локализацию. Учитывая этот факт, усиливаемый относительной многочисленностью некоторых из этих типов, верно будет заключить, что распределение погребений с определенными типами положения рук в исследуемой части некрополя не может быть случайным. Следовательно, установленные факты ограниченной локализации типов и составных типов положений рук погребенных имеют причину или, что более вероятно, группу причин в исторической действительности эпохи формирования некрополя.

В качестве гипотезы попытаемся очертить возможный круг таких причин. Исследованная раскопками часть некрополя Никольской церкви с. Кривощекovo достаточно обширна и содержит почти четыре сотни захоронений. Такое количество погребений могло сформироваться только за относительно длительный период времени. Следовательно, можно предполагать, что смена типов положений рук происходила с течением времени и обусловлена была трансформацией представлений или предписаний церкви относительно погребального обряда. Однако совершенно точно эта причина не была единственной. Специфическое положение рук может быть обусловлено конфессиональной принадлежностью погребенного и/или его семьи (старообрядцы различных согласий, никониане, католики, протестанты различных течений) и традициями, бытовавшими в определенных местностях, выходцами из которых были люди, совершавшие захоронение. Со временем в процессе длительного совместного проживания и перемешивания населения путем заключения брачных союзов погребальный обряд должен стремиться к унификации, но никогда не достигать ее за счет миграционного притока населения, несущего с собой иные традиции погребального обряда.

Перспективы дальнейших исследований

Перспективы изучения положения рук погребенных связаны прежде всего с расширением источниковой базы за счет анализа материалов других погребальных памятников периода освоения Сибири и Дальнего Востока Российским государством в конце XVI — XIX в. При этом важно привести к унифицированному виду описание положения рук погребенных для обеспечения сопоставимости результатов изучения различных памятников. За основу может быть при-

нят предложенный в настоящей статье способ формирования типов положения рук и уже сформированные типы, которые должны быть дополнены в перспективе новыми типами, которые могут быть встречены на других памятниках. После этапа определения типа положения рук для каждого погребенного необходимо провести планиграфический анализ распределения всех типов и выделить ограниченно локализованные типы. Затем становится возможным осуществить сравнение списков ограниченно локализованных типов на исследуемом памятнике и на ранее исследованных памятниках. Если в сравниваемых списках обнаружатся совпадения, то это должно стать аргументом в пользу того, что выделение совпавших типов не случайно, что данный тип в действительности отражает некоторую действительность прошлого. Если же какой-либо тип не будет находить соответствия среди ограниченно локализуемых типов на других памятниках, то это будет аргумент в пользу того, что данный тип получил ограниченную локализацию случайно либо она обусловлена каким-то локальным фактором. Перспективным представляется сопоставление списков типов с различных памятников, полностью или частично перекрывающих друг друга планиграфически или непересекающихся, что может стать свидетельством сосуществования нескольких традиций или их несовпадения во времени.

Другое перспективное направление — выявление устойчивых связей между положением рук погребенных и другими элементами погребального обряда: ориентация тела², тип погребальной конструкции (гроб или колода), заполнение колоды грунтом, положение головы, наличие или отсутствие нательного креста, его тип и пр. Обнаружение устойчивых сочетаний положения рук с другими элементами погребального обряда позволит реконструировать не отдельные его стороны, непосредственно наблюдаемые в каждом отдельном погребении, а устойчивые комплексы элементов погребального обряда. Планиграфический анализ этих комплексов в рамках конкретного некрополя, а также при сравнении с результатами анализа аналогичных комплексов элементов в других некрополях будет способствовать решению проблемы хронологии этих комплексов и их эволюции.

Заключение

В ходе исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, на основании объективных количественных критериев (угол в локтевом суставе) была разработана наиболее подробная в настоящее время типология положения рук погребенных на православных некрополях Нового времени. Положенные в основу типологии принципы позволяют выделить новые типы положения рук, которые могут быть встречены на других памятниках, а также конструировать составные типы. Было изучено планиграфическое распределение выделенных типов в пространстве некрополя, что позволило установить факты компактной локализации ряда простых и составных типов положений рук. В качестве интерпретации выявленных фактов компактной локализации выдвинута гипотеза о хронологической, конфессиональной и локально-территориальной обусловленности выбора способа укладки рук погребенных. Проверка представленных гипотез возможна путем проведения аналогичных исследований на других памятниках и сопоставления полученных результатов.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-49-540006.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Колонцов С.В. Научный отчет о проведении спасательных археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия («участок культурного слоя села Кривошеково»), расположенного в зоне строительства мостового перехода через р. Обь в створе ул. Ипподромская в г. Новосибирске (по открытому листу № 1722 от 23.08.2018): В 14 т. Новосибирск: [Б. и.], 2020. 3300 с.

Литература

Барсуков Е.В., Березовская Н.В., Вавулин М.В., Коробейников И.Н., Решетников Е.А., Рыкун М.П. Археологические раскопки на территории Богородице-Алексиевского монастыря // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Д'Принт, 2013 Т. XVIII. С. 214–230.

---

² Подавляющее большинство православных погребений в изучаемый период совершались путем помещения гроба или колоды в могилу таким образом, чтобы умерший был обращен лицом на восток (головой на запад). При этом многие погребения имеют отклонение от оси запад — восток на юго-запад иногда до 45°. Большинство исследователей полагают, что такие отклонения указывают на время года совершения захоронения. Однако опыт изучения некрополя Умревинского острога свидетельствует о том, что такое отклонение может быть хронологическим (не связанным с временем года) или культурным признаком [Горохов, Бородовский, 2018].

Положение рук умерших как важный элемент погребального обряда православного населения...

Бердников И.М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2009. Т. 8. № 5. С. 252–260.

Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012. 300 с.

Боброва А.И., Рыкун М.П., Васильева Т.В. Некрополь Богородице-Алексиевского монастыря: (Комплексные исследования) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. С. 93–107.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: Документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.

Воробьев-Исаев А.А. Погребальные памятники российского освоения верхнеобского региона XIX — начала XX вв. (по археологическим источникам): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006а. 285 с.

Воробьев-Исаев А.А. Погребальные памятники российского освоения верхнеобского региона XIX — начала XX вв. (по археологическим источникам). Приложения: Дис. ... канд. ист. наук Новосибирск, 2006b. 94 с.

Галухин Л., Лысенко Д. Городская археология: Итоги масштабного археологического изучения Енисейска // Наследие народов Российской Федерации. 2019. № 2/3. С. 62–73.

Горохов С.В., Бородовский А.П. Некрополь Умревинского острога (Верхнее Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 123–130. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.123-130.

Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII веков в селе Абалак Тобольского района: Итоги и перспективы исследований // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2012. Т. 11. № 7. С. 158–163.

Данилов П.Г. Памятники русских в окрестностях Тобольска // Археологическое наследие Урала: От первых открытий к фундаментальному научному знанию: (XX Урал. археол. совещание). Ижевск, 2016. С. 303–304.

Данилов П.Г. Воскресенская церковь Тобольска в XVII — начале XVIII века // Баландинские чтения. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. Т. XIII. С. 137–142. DOI: 10.24411/9999-001A-2018-10021.

Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. 214 с.

Лица первых иркутян: Альбом графических реконструкций. Иркутск: Амтера, 2011. 84 с.

Мамонтова О.С., Толкацкая А.С. Кресты-тельники с памятника «Нагорное кладбище» Барнаула в собрании Алтайского государственного краеведческого музея // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2018. С. 76–80.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

Нестеров С.П. Город Албазин на Амуре: численность жителей в последней четверти XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 113–122. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.2.113-122

Погорелов С.Н. Охранные исследования захоронений Ново-Тихвинского женского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 204–211.

Погорелов С.Н., Попов В.А. Культурная атрибутика из погребений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбург // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 212–220.

Погорелов С.Н., Попов В.А., Святова Е.О. Археологические исследования исторического города Туринск в 2004 и 2007 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. № 7. С. 130–148.

Ражев Д.И. Могильник на территории Верхотурского кремля // Археологические и исторические исследования в г. Верхотурье. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. С. 138–143.

Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002. С. 133–137.

Самигулов Г.Х. Некоторые аспекты формирования русского населения Зауралья XVII–XVIII веков (попытка комплексного подхода на примере населения Челябинской области) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 2. С. 127–140.

Тарасов А.Ю. Раскопки всехсвятского некрополя в Красноярске // АО 2005 г. М.: Наука, 2007. С. 518–519.

Тарасов А.Ю. Археологическое изучение исторических некрополей Красноярска // Труды III (XIX) Всероссий. археол. съезда. СПб.; М.; В. Новгород: [Б. и.], 2011. Т. II. С. 262–263.

Татаурова Л.В. Методика этноархеологического исследования русских поселений Сибири // Этнографо-археологические комплексы. Омск: Издательский дом «Наука», 2004. С. 36–48.

Татаурова Л.В. Методические рекомендации по ведению полевой документации на раскопках памятников русских // Методика археологических исследований Западной Сибири. Омск: Фаворит, 2005а. С. 155–188.

Татаурова Л.В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005b. С. 221–235.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв.: По материалам комплекса Изюк-1. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.

Татаурова Л.В. Нательные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-1) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 28–32. DOI: 10.15372/HSS20160206.

Татаурова Л.В., Скрипко О.А. К вопросу о методике моделирования этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 80–83.

Шабунин Е.А. Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая (с. Бугры) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/752-09.html> (дата обращения: 02.02.20).

Шапкин. Освящение храма в селе Кривошековском, Томской епархии // Томскія губернская ведомости. № 10. 1882. С. 274–276.

Gorokhov S.V.

“History of the Siberian Ostrogs” Novosibirsk Regional Public Organization
st. Boris Bogatkov, 253, b. 4, of. 333, Novosibirsk, 630089, Russian Federation
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com (Gorokhov S.V.)

Position of arms as an essential element of the orthodox funeral tradition in Siberia (case study of the Nikolskaya Church cemetery in the city of Novosibirsk)

The purpose of this article is to analyze the planigraphic distribution of graves characterized by different positions of arms of the buried people and to identify patterns in their localization. The source base of the research is represented by 384 graves of the Nikolskaya Church necropolis in the town of Krivoshchyokovo. The arms position has been determined for individuals from 152 graves. The classification criteria for arms positions of the deceased have been developed. The analysis of graves enabled us to make a full list of all possible positions of the right or left arm, including the following ones: the arm is stretched along the body (0°), bent at the elbow at ~40°, ~68°, ~90°, ~112°, ~139° or ~166°. In cases when one arm was put on the other one, the relative position of arms (above or below) was recorded. The combination of individual positions of arms and their positioning relatively to each other determines the overall type of arms position. The planigraphic analysis of arms positions of buried people by types has been undertaken. It has been identified that graves with several “plain” and complex types of arms positions are located quite closely to each other. The distribution of graves with certain types of arms positions in the studied part of the necropolis cannot be accidental. Therefore, the established facts of restricted localization of types and complex types of arms positions of the buried people are determined by a cause or a group of causes associated with the historic circumstances of the period when the necropolis was formed. One could assume that the types of arms positions changed over time, following the transformation of beliefs and prescriptions of the church in relation to the existing burial tradition. The specific position of arms can be related to the confession of the deceased person and his/her family, as well as traditions of particular regions. In the former case, the position of arms can be characteristic of a specific confession, while in the latter case — of the place of origin of the colonists. Over time, as a result of the long cohabitation and mixing of populations through marriages, the funeral rite should be reduced to a specific single type, however, never reaching an absolute unification due to migration flow of people following different burial traditions. The program of further research into the funeral traditions has been proposed.

Key words: Siberia, Novosibirsk, 18th–19th centuries, necropolis, obsequies, position of arms.

REFERENCES

Barsukov E.V., Berezovskaya N.V., Vavulin M.V., Korobejnikov I.N., Reshetnikov E.A., Rykun M.P. (2013). Archaeological excavations on the territory of the Virgin Mary-Alexis Monastery. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. T. XVIII. Tomsk: D'Print, 214–230. (Rus.).

Berdnikov I.M. (2009). Specific Traits of Mortuary Rite Spasskii Necropolis of Irkutsk Fortress. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorija, filologiya*, (5), 252–260. (Rus.).

Bobrova A.I., Rykun M.P., Vasil'eva T.V. (2015). Necropolis of the Mother of God-Aleksievsky Monastery: (Comprehensive research) In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 93–107. (Rus.).

Borodaev V.B., Kontev A.V. (2015). *The formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluve in 1620–1720: A documentary monograph*. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. (Rus.).

Danilov P.G. (2012). Orthodox Necropolis XVII–XVIII Centuries in The Abalak Village Tobolsk District: Results and Prospects of Research. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorija, filologiya*, (7), 158–163. (Rus.).

Danilov P.G. (2016). Monuments of Russians in the vicinity of Tobolsk In: *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytij k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu: (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie)*. Izhevsk, 303–304. (Rus.).

Danilov P.G. (2018). The Resurrection Church of Tobolsk in the 17th — Early 18th centuries In: *Balandinskie chteniya*. T. XIII. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet arkhitektury, dizajna i iskusstv, 137–142. (Rus.).

Положение рук умерших как важный элемент погребального обряда православного населения...

- Galukhin L., Lysenko D. (2019). Urban archeology: The results of a large-scale archaeological study of Yeni-seisk. *Nasledie narodov Rossijskoj Federatsii*, (2/3), 62–73. (Rus.).
- Gorokhov S.V., Borodovskiy A.P. (2018). The Cemetery at Fort Umrevinsky, in the Upper Ob Basin. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 46(2), 123–130. (Rus.). DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.123-130.
- Mamontova O.S., Tolkatskaya A.S. (2018). Cross vests from the monument “Upland cemetery” of Barnaul in the collection of the Altai State Museum of Local Lore In: Tomilov N.A., Tikhonov S.S., Korusenko M.A., Korusenko S.N. (Eds.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij*. Omsk: Izdatel'skij dom “Nauka”, 76–80. (Rus.).
- Molodin V.I. (2007). *Cross-vests of the Ilmsk prison*. Novosibirsk: INFOLIO. (Rus.).
- Molodin V.I. (Ed.) (2011). *Faces of the first Irkutsk: Album of graphic reconstructions*. Irkutsk: Amtera. (Rus.).
- Nesterov S.P. (2017). Albazin, a Russian town on the amur: Population size in the late 1600s. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (2), 113–122. (Rus.). DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.2.113-122.
- Pogorelov S.N. (2005). Security studies of the graves of the Novo-Tikhvin Nunnery In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 204–211. (Rus.).
- Pogorelov S.N., Popov V.A. (2005). Religious paraphernalia from the burials of the Novo-Tikhvin women's monastery in Yekaterinburg. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 212–220. (Rus.).
- Pogorelov S.N., Popov V.A., Svyatova E.O. (2011). Archaeological research of the historical city of Turinsk in 2004 and 2007. *Trudy Kamskoj arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*, (7), 130–148. (Rus.).
- Pokrovskij N.N. (Ed.) (1988). *Sources on the history of Siberia of the pre-Soviet period*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Razhev D.I. (1998). The burial ground on the territory of the Verkhotur'sky Kremlin. In: *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniya v g. Verkhotur'e*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informatsii, 138–143. (Rus.).
- Samigulov G.Kh. (2002). The first Chelyabinsk cemetery (based on archaeological excavations). In: Tataurova L.V. (Eds.). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Omskij pedagogicheskij universitet, 133–137. (Rus.).
- Samigulov G.Kh. (2005). Some aspects of the formation of the Russian population of the Trans-Urals of the 17th–18th centuries (an attempt of an integrated approach on the example of the population of the Chelyabinsk region). In: *Etnodemograficheskie protsessy na Severe Evrazii. Vyp. 3. Ch. 2*. Moscow; Syktyvkar, 127–140. (Rus.).
- Shabunin E.A. Church in the name of St. Nicholas the Wonderworker (Bugry village). Retrieved from: <http://www.orthedu.ru/kraeved/752-09.html>.
- Shapkin (1882). Consecration of the temple in the village of Krivoshchekovsky, Tomsk diocese. *Tomskiya gubernskiya vedomosti*, (10), 274–276. (Rus.).
- Tarasov A.Yu. (2007). Excavations of all the holy necropolis in Krasnoyarsk In: Lopatin N.V. (Eds.). *Arkheologicheskie otkrytiya 2005 goda*. Moscow: Nauka, 518–519. (Rus.).
- Tarasov A.Yu. (2011). Archaeological study of the historical necropolises of Krasnoyarsk. In: *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. II*. St. Petersburg; Moscow; Velikij Novgorod, 262–263. (Rus.).
- Tataurova L.V. (2004). Methodology of ethnoarchaeological research of Russian settlements of Siberia. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы*. Omsk: Izdatel'skij dom „Nauka“, 36–48. (Rus.).
- Tataurova L.V. (2005a). Guidelines for maintaining field documentation on the excavations of Russian monuments. In: *Metodika arkheologicheskikh issledovanij Zapadnoj Sibiri*. Omsk: Favorit, 155–188. (Rus.).
- Tataurova L.V. (2005b). Ethnocultural aspects of the funeral rite of the Russians of the Middle Irtysh Region in the XVII–XVIII centuries. according to archeology. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 221–235. (Rus.).
- Tataurova L.V. (2010). *Funeral rite of the Russian Middle Irtysh XVII–XIX centuries: Based on materials from the Izyuk-I complex*. Omsk: Apel'sin. (Rus.).
- Tataurova L.V. (2016). Pectoral crosses as a confessional marker (based on archaeological materials of the Russian complex Izyuk-I). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (2), 28–32. (Rus.). DOI: 10.15372/HSS20160206.
- Tataurova L.V., Skripko O.A. (2000). To the question of modeling methodology of ethnographic and archaeological complex. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij*. Vladivostok; Omsk: Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 80–83. (Rus.).

Горохов С.В., <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.12.2020

Article is published: 26.02.2021